

ГАРМОНИЗАЦИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ ВИДОВ УПРАВЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ЕДИНСТВА ИХ РАЗНООБРАЗИЯ

Известно, что социальное управление и личностное самоуправление в идеальном случае могут выступать как взаимодополняющие и взаимообогащающие инстанции, способные выступать по отношению друг к другу как цели. Однако в реальных ситуациях между ними возникает множество проблем, что свидетельствует о том, что это взаимодействие носит сложный, противоречивый характер. Как известно, для того, чтобы ослабить эти противоречия, снять проблемы, необходимо найти такие условия, при которых социальное управление и личностное самоуправление могли бы быть тождественными, то есть по возможности совпадать.

Одно из них состоит в том, что социальное управление на практике, как правило, преследует общие интересы той или иной социальной общности и по этой причине склонно придавать этим интересам приоритет по сравнению с личностными интересами и прибегать в этой связи к принуждению. Поэтому социальное управление зачастую носит недостаточно гуманный характер. Такое положение имеет, к сожалению, длительную историческую ретроспективу, видимо, по той причине, что в большинстве случаев забота о конкретном человеке декларируется, но по истечении времени она забывается и уходит в прошлое. Это связано с тем, что субъект управления не всегда учитывает, что объект управления это также люди, человек. Поэтому стратегической линией разрешения этой проблемы является всемерное и постоянное повышение в общественном и личностном сознании значимости человека, формирование установки, что человек, личность – это наивысшая ценность в обществе, в мире, если даже она обременена множеством недостатков. При таком подходе субъект управления не имеет права вмешиваться в жизнь человека, он может только лишь советовать, рекомендовать, предлагая различные варианты решения той или иной проблемы. Показателем в этом отношении пример Сократа, который не навязывал собеседнику свое знание, а помогал тому «породить» собственное знание, что впоследствии получило название майевтики, подобной повивальному искусству. Этому же подходу в своей теории воспитания придерживался Г. С. Сковорода, считая, что роль воспитателя состоит в оказании помощи воспитаннику при нахождении и раскрытии его дарования. Большое значение в этом плане имеет заинтересованное знание субъектом объекта управления, умение войти в состояние человека, отождествиться с ним, благодаря чему найти такой способ решения назревшей проблемы, который созвучен его природе.

Особого внимания к себе требуют человеческие недостатки, пороки объекта управления, где, скорее всего, уместен двойственный подход: толерантное, терпимое отношение к ним как факту наличия, не умаляющего человеческого достоинства, и нетерпимое отношение к ним по существу.

Для гуманизации социального управления большое значение имеет то, что рекомендовал еще Аристотель, – попеременное изменение субъектом и объектом управления своего места в системе управления, ибо для того, чтобы гуманно управлять, надо знать, как себя чувствует объект управления в процессе управления. Не случайно в народной мудрости сложилась установка: кто не умеет повиноваться, тот не умеет управлять. На своем жизненном пути многие люди попадают в положение управляющего и управляемого. Однако в большинстве случаев это происходит стихийно, нерегулярно и

не везде. Видимо, общество, его управляющие структуры должны стремиться к тому, чтобы граждане имели собственный опыт управления и подчинения. В этой связи не лишены оснований требования Парижской Коммуны о систематической сменяемости чиновников, о праве их отзыва в случае недобросовестного исполнения служебных обязанностей. Хотя своим острием они были направлены на борьбу с бюрократизмом, они одновременно позволяли ускорить, как сейчас принято говорить, процесс ротации кадров, расширить приток свежих сил в управленческие структуры.

Важным направлением гуманизации социального управления, расширяющим предыдущие, является приобщение управляемой части населения к осуществлению руководящих функций как средству реализации человеком своих сущностных свойств: стремления к свободе, инициативности, креативности. Именно с этим связан исторический переход от жесткого типа управления производством, основателем которого называют американского инженера Ф. У. Тейлора, к мягкому типу, получившему название «эры человеческих отношений». Особое распространение последнее получило в Японии через создание кружков качества, позволивших японскому менеджменту привлечь к коллективному управлению фирмами большинство рабочих. Особенным в таком типе управления является то, что обратная связь выполняет не только информативную, но и конструктивную функцию.

В этой связи особого внимания требуют к себе такие составляющие общественного сознания, как общественное мнение и общественное настроение. Их изучение и повсеместное использование – важнейший стимул участия широких масс населения в управлении обществом. Однако надо иметь в виду, что они (наряду с такими управляющими силами, как деньги, рынок, традиции и т. п.) могут играть и отрицательную роль. Это связано с тем, что по своей природе эти силы анонимны, надличностны, надындивидуальны и могут выступать против интересов отдельных групп населения. Так, рынок не испытывает никакого милосердия к больным, инвалидам, обездоленным и т. п. Сложность гуманизации таких явлений состоит в том, что их воздействие зачастую является неявным, скрытым, не всегда осознаваемым. По отношению к таким силам большое очищающее, очеловечивающее значение имеют религия, искусство и мораль, которые должны находиться под неусыпным и первостепенным вниманием и заботой общества. Важно и то, как отдельно взятый человек относится к этим анонимным управляющим силам: ставит ли он себя в положение раба денег, или их повелителя. Когда деньги становятся целью жизни, они перерождают человека. По этой причине в мире сложилась вопиющая несправедливость, когда «общее богатство 225 самых богатых людей мира составляет более 1 триллиона долларов США, что равняется годовому доходу 47% человечества, или более чем 2,8 млрд. человек» [Сохань, 2001, с. 148]. Такое главенствующее положение денег в мире породило преступную глобальную деятельность, а вместе с ней и асоциальное управление.

В целом, социальное управление может быть гуманным, если оно наполнено человеколюбием и является само по себе полифонией, ибо гармония, красота органически не приемлют насилие, зло.

Суть другого противоречия состоит в различии характера личных и общественных интересов, которое носит объективный характер, ибо нельзя лишить человека его уникальности, самобытности. Эта особенность позволяет человеческому сообществу пышно расцвести многообразием человеческих «красок», «запахов» и других проявлений. С другой стороны, неизбежная совместная жизнь людей порождает определенные правила, требования, интересы общегития, которые игнорировать нельзя. Последнее связано прежде всего с тем, что социальное управление более всего тяготеет к реализации общих интересов, а личностное самоуправление – личных интересов, и нередко при этом происходит взаимное игнорирование интересов друг друга. Пренебрежение какой-либо из этих сторон порождает проблему, разрешение которой во многом зависит от должного ее осознания. В разрешении этого противоречия большое значение имеет интериоризация

личностью общественных интересов, усвоение их до такой степени, что они рассматриваются как личные. При этом важно, как осуществляется это усвоение. Если это происходит под давлением со стороны социального управления, то не исключается обратный эффект – расширение и углубление конформизма, порождение безответственности, снижение инициативности и т.д. Поэтому очень важно, чтобы социальное управление не навязывало необходимость руководствоваться общественными интересами, а раскрывало их личностную значимость, пользу для каждого конкретного индивида. Это становится возможным, когда общественные интересы являются интересами не только элиты или какой-либо социальной общности, а интересами всех людей, созвучными их настроениям и ожиданиям.

Однако этого недостаточно. Нельзя игнорировать при этом особые интересы, т.е. интересы отдельных социальных общностей. Социальное управление, чтобы быть эффективным, должно учитывать интересы всех социальных групп. Иногда они становятся главными. Если взять, к примеру, такую группу населения, как «лица без определённого места жительства», то они никогда не проникнутся осознанием всеобщих интересов, пока не будут удовлетворены их особые интересы, каковыми для них являются интересы витальные, т.е. связанные прежде всего с выживанием. Вместе с тем жить, не замечать и не помогать этим людям – аморально. Такое отношение к человеку становится невозможным, когда социальное управление преследует цель совершенствования личностного самоуправления, когда стремление личности самоутвердиться и самореализоваться становится всеобщим интересом, т.е. личностный интерес приобретает общезначимый статус. Всеобщая заинтересованность в том, чтобы каждый член общества научился и эффективно управлял самим собой, облегчая тем самым решение других задач, стоящих перед социальным управлением, – важнейший стимул развития для каждого человека. Нет большего блага для человека, как осознавать, что ты нужен обществу. Вместе с тем, несмотря на то, что в руководящих материалах политического и правового характера многих демократических стран зафиксировано такое стремление, в реальности же во многих случаях наблюдается бездушное, незаинтересованное отношение к человеку вообще, и тем более – к осознанию такого деликатного и сложного феномена, как управление самим собой. Это во многом определяется тем, что проблемы социального управления в реальности решаются в отрыве от проблем личностного самоуправления. В теории управления также существует подобный недостаток: если проанализировать монографии, специальную литературу по вопросам государственного управления, то там редко можно обнаружить достаточный уровень теоретической разработки указанной связи. Государственное управление в большинстве случаев выступает как самодовлеющее состояние.

Во взаимодействии социального управления и личностного самоуправления важно то, какую позицию занимает последнее по отношению к первому, насколько оно считает весомой для себя необходимость совершенствования социального управления. Ведь аполитичность – довольно распространенное явление. А между тем существуют довольно основательные духовные (помимо прочих) предпосылки заинтересованности в улучшении социального управления со стороны личности. Это прежде всего проявляется при решении проблемы смысла жизни. При выборе этого глубоко личностного основания человек волей-неволей приходит к пониманию того, что свой смысл жизни он может реализовать лишь совместно с другими и тем лучше, чем совершеннее общество, в котором он находится, чем эффективнее оно управляется. Образно это подчеркнул Сенека: «Будем же всегда помнить, что мы рождены для общества, а наше общество – это каменный свод, который только поэтому не падает, что камни, опираясь один на другой, поддерживают друг друга, а они, в свою очередь, крепко держат свод» [Сенека, 1977, Письмо ХСV]. И хотя утверждение о необходимости гармонии личных и общественных интересов общеизвестно и благородно, тем не менее на

протяженні всієї історії людства спроби встановити її виявилися безуспішними, ібо в більшості випадків опиралися на насильство.

Таким чином, во многом рішення цієї проблеми залежить від надання соціальному управлінню гуманного ненасильственного характеру, коли в теорії і на практиці людина з його вмінням керувати самою собою знаходиться в центрі уваги, а стратегічної ліній поведінки людини є суспільне благо.

Третє протиріччя – це протистояння недостатньої культури управління і високих вимог до безпеки життєдіяльності суспільства і людини. Змінення в особистій і суспільній житті стали настільки динамічними, що навіть для їх усвідомлення не вистачає часу. І природно, що без усвідомлення немає і належного управління. Неможливо не помічати і іншого обставини: людство за час свого існування накопичило величезний досвід управління, який, однак, погано передається з покоління в покоління через недостатню заимствования. В суспільстві фактично відсутня ефективна система навчання управління, у багатьох, к сожалению, склався стереотип: спочатку влада, а потім управління. Управління ще не стало головною цінністю людини і суспільства. При цьому культура є потужним синтетичним видом соціального управління, ефективність якого во многом залежить від власної складової – культури управління.

Особиста безпека є однією з завдань, яку раніше всього вирішує особисте самоуправління, ефективність якого також залежить від культури управління (як в цілому на рівні суспільства, так і особистій). Отже, при розв'язанні даного протиріччя раніше всього необхідно швидкими темпами підвищувати як рівень загальної культури управління, так і рівень відповідної культури у осіб, для яких управління є родом професійної діяльності. К сожалению, в суспільстві склалося поверхневе ставлення, що управління не вимагає особливих підготовки, достатньо лише мати в особистому розпорядженні важелі управління. Якщо проаналізувати навчальні програми навчальних закладів, випускаючих керівників різного рангу, то неважко помітити, що в більшості випадків в них відсутні або слабо представлені дисципліни, призначені навчати студентів керувати собою або людьми. Що стосується суспільного самоуправління, де громадяни можуть набувати практичні вміння і навички управління, то воно, к сожалению, займає в нашій дійсності по ряду історичних і культурологічних причин не настільки значуще місце, як хотілось б.

Якщо ж звернутися до існуючих теорій управління, то і тут існують недоліки: в них основне місце займає менеджмент і державне управління, і зовсім мало приділяється уваги іншим формам управління, недостатньо розроблені питання їх взаємодії. Великим гальмом в розвитку всієї системи управління є хронічний недолік керівного виду управління – політики. Цей недолік пов'язаний з тим, що політики в більшій мірі обізані не завданнями вдосконалення суспільних відносин, а боротьбою за владу. Не вистачає теоретичних розробок, обґрунтованих важливість принципу відповідальності в процесі управління. Наслідком цього є те, що недооцінюється, яку велику роль в цьому процесі грає передбачення, особливо в наше час, час ускладнення суспільної житті, непередбачених небезпек, що виникають на життєвому шляху особистості. Завдяки вказаному якості управління має запобігальний характер, і, по суті, повинно обганяти час і запобігати неприємностям в житті людини. Це саме благородне, що придумало людство. Однак, к сожалению, прогностичні здатності людини ще слабкі, незважаючи на всемогутнє торжество науки. Тому проблема пізнання шляхів до передбачення з часів Сократа і до наших днів залишається актуальною. У нас фактично немає ніякого виходу, крім вдосконалення процесу мислення і пізнання, і об'єднання на цьому шляху всіх можливостей людства, без перебільшення або зменшення значення деяких з них. Інтересні в цьому плані

мысли В. С. Бакирова: «Применение “гибких” методов сближает научное социальное познание с различными внеучными его формами. Уже сейчас нередки ситуации, когда работы писателей, публицистов, критиков, журналистов, кинематографистов более точно и глубоко вскрывают сущность того, что происходит вокруг нас и с нами в современном социальном мире. Возникает сложнейшая методологическая проблема соотношения “жестких” и “гибких” методов, научных и внеучных подходов, использования в целях социального познания таких средств, как социально-гуманитарные экспертизы и диагностики, ситуационные анализы, ролевые и имитационные игры. В связи со сказанным заслуживает внимания метод исследования конфликта “богатых” и “бедных”, проведенного в 1991 году сектором методологии социального познания Института философии РАН в форме, получившей название “социальный театр”. Две группы философов, политологов, экономистов, психологов и других представителей социальной науки разделились на “богатых” и “бедных” и персонифицировали эти статусы в различных, свободно выбранных ролях. Проигрывание ролей без предварительно заданного сценария, по мере выдвижения ведущих конфликтногенных проблем, дало впечатляющий для наблюдателей (в числе которых были и профессиональные конфликтологи) эвристический эффект, открыло множество новых аспектов фундаментального социального противоречия. По сути дела, произошло моделирование взаимодействия двух “жизненных миров”, позволившее нащупать точки их ценностного взаимопроникновения и возможного согласия» [Бакиров, 1993, с. 76].

Акцентируя внимание на опережающем и упреждающем характере культуры управления по сравнению с ростом личностной безопасности, следует иметь в виду, что это касается и личностной культуры самоуправления. Человек, управляющий собой, должен прежде всего сам быть культурным, особенно в области управления, ибо основой культуры является господство над самим собой. При этом все выводы, касающиеся повышения культуры управления в целом, применяются и к личностному самоуправлению. Особенно это важно, когда социальное управление и личностное самоуправление, преследуя свои интересы, не противостоят друг другу, а взаимно друг друга дополняют. Поэтому решение анализируемого противоречия зависит и от решения второй проблемы, о которой уже шла речь.

Таким образом, культура управления должна занять главенствующее место среди других видов культуры, особенно в области предвидения.

Четвертое противоречие возникает из-за отсутствия должного распределения функций между социальным управлением и личностным самоуправлением. В данном случае более корректно, видимо, говорить о пределах компетентности и возможностей того и другого. Рассуждая о пределах социального управления (особенно – государственного управления), необходимо, скорее всего, согласиться с тем, что оно должно в основном ограничиваться сферой обеспечения безопасности членов общества. Однако такие виды социального управления, как мораль, искусство, религия более других имеют возможность вторгаться в духовную сферу личности. Не отрицая важности их поучительного характера, вместе с тем следует отметить, что только личность вправе и в состоянии решать все вопросы своего бытия. Социальное же управление не может учесть все особенности конкретного человека. Поэтому личность, управляя самой собой, должна иметь возможность выбора тех или иных решений, предлагаемых социальным управлением. Таким образом, личностное самоуправление обладает более широким кругом функций, что, к сожалению, не всегда принимается во внимание при осуществлении социального управления. В большинстве случаев наблюдается ситуация, когда социальное управление берет на себя слишком много функций, не свойственных ему. Или когда личностное самоуправление замыкается в себе, что можно охарактеризовать как бегство человека внутрь себя.

Некоторые функции социального управления (прежде всего опять-таки – государственного управления) имеют естественное происхождение, ибо в условиях

совместного общежития люди некоторые вопросы своего существования должны решать совместно, координировать свои действия, чтобы не мешать друг другу, объединять усилия в случае возникновения опасных для ситуаций, вырабатывать некоторые общие ценности, украшающие, вдохновляющие и руководящие членами общества. К таковым ценностям можно отнести и единомыслие. В наше время его эквивалентом может быть национальная идея, национальная мечта. К сожалению, в обществе нет еще всеобщей поддержки этого качества. Некоторые склонны рассматривать его как своего рода императив, ограничитель свободы, хотя к единомыслию уже давно существовало почтительное отношение. Однако даже такое благое качество, как единомыслие, будучи чрезмерным, может превратиться в свою противоположность – тоталитаризм. Поэтому очень важно найти критерий, ориентируясь на который можно было бы избежать этого пагубного превращения. В качестве такого критерия могут рассматриваться права человека, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека, и которые способны уберечь социальное управление от перекосов во множестве ситуаций социальной жизни. Подобная ориентация социального управления в состоянии гуманизировать все другие функции управления, привести их в полифоническое, гармоническое состояние. Надо отметить, что управленческий потенциал Всеобщей декларации прав человека исключительно велик и благодатен, это документ, который буквально выстрадан многими народами за свою долгую многовековую жизнь, по значению его можно сравнить только с Библией.

Видимо, по аналогии необходимо найти подобный критерий и для личностного самоуправления, способный также привести его функции в гармоничное состояние. Но если в случае с социальным управлением этот критерий является объективированным, то для личностного самоуправления, как и для самопознания, он является сугубо индивидуальным, т. е. субъективным. В поисках этого критерия можно также обратиться к высказыванию Демокрита, суть которого состоит в следующем: «... у людей хорошее расположение духа возникает от умеренности в наслаждении и гармоничной жизни. Недостаток же и излишество обыкновенно переходят друг в друга и причиняют душе сильные потрясения. А те души, движения которых совершают колебание между большими противоположностями, не суть ни спокойны, ни радостно настроены. Поэтому должно направлять свои помыслы на возможное и довольствоваться тем, что есть, не думая о тех, кому люди завидуют и удивляются, и не обращать на них внимания. Напротив, обращать внимание должно на тех, кто ведет бедственную жизнь, и должно ярко представлять себе те бедствия, которые они претерпевают, для того, чтобы твое нынешнее положение и состояние казались тебе значительными и достойными зависти и чтобы более не приходилось твоей душе страдать из-за желания иметь большее. Ибо тот, кто завидует богатым, которых считают счастливыми прочие люди, и кто постоянно в своих мыслях с ними, тот вынуждается всегда предпринимать что-нибудь новое и в конце концов направить свою страсть на какое-нибудь ужасное противозаконное дело. Поэтому-то должно одних вещей не домогаться, другими же довольствоваться, сравнивая свою собственную жизнь с жизнью хуже живущих и считать себя счастливым, обращая внимание на то, что последним приходится терпеть, и насколько тебе лучше живется, чем им. Итак, если ты будешь держаться этого образа мыслей, то будешь жить в более хорошем расположении духа и избавишь себя в жизни от немалых зол: зависти, соперничества и вражды» [Античные философы, 1955, с. 107].

Таким образом, в этом мудром изречении каждый может найти критерий истинности личностного самоуправления, который состоит в том, что необходимо не допускать в свою душу зависть, соперничество и вражду. Как это делать, прекрасно советует Демокрит, а в какой мере этому необходимо противодействовать – сугубо личное дело. Что же касается колебаний человеческой души, то хорошим средством их устранения, по мнению немецкого философа, одного из основоположников философской антропологии Хельмута Плеснера, является философия, которая призвана постоянно указывать на нищету и величие человека.

Таким образом, из этого анализа следует, что правильное ограничение функций социального управления и личностного самоуправления способно решить многие противоречия в их взаимодействии.

Пятое противоречие вытекает из того, что личностное самоуправление носит недостаточно социальный характер. Это вызвано тем, что определенная часть населения социально пассивна, многие люди по разным причинам не хотят принимать участия в общественной деятельности, и заняты решением исключительно личных проблем. Это противоречие целиком зависит от соотношения двух типов управления, в результате которого излишнее внимание к личностному самоуправлению неизбежно отражается на социальном управлении как в масштабах отдельно взятого руководителя, так и касательно других управляющих субъектов. Этот недостаток социальности возникает зачастую вследствие игнорирования социальной природы человека. Поэтому при решении этой проблемы необходимо исходить из того, что пренебрежение к своему социальному окружению – это противодействие самому себе. Человек – существо не только индивидуальное, автономное, но и общественное, поэтому умаление значения последнего – это порождение не только социального, но и внутриличностного конфликта. Это особо опасное социальное и личностное состояние.

Следовательно, именно здесь нужна та самая «золотая середина». В поисках этой середины, видимо, следует прибегнуть к такой категории, как счастье. Если обратиться к размышлениям по этому поводу мудрых людей, то прежде всего бросается в глаза то, что, по их мнению, счастье – это такое состояние, где личностное и общественное совпадают и тесно переплетаются. На свой вопрос о том, что же такое счастье, А. Н. Толстой отвечает: «Ощущение полноты своих духовных и физических сил в их общественном применении» [цит. по: Мелешко & Назаров, 1988, с. 264]. Другой Толстой – Лев Николаевич – заметил: «Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека, – быть полезным и иметь спокойную совесть» [цит. по: Разум, сердца, 1990, с. 97]. Или же: «В жизни есть только одно несомненное счастье – жить для другого» [цит. по: Жемчужины мысли, 1990, с. 89]. Об этом же писал в свое, далекое от нас время Платон: «Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное» [цит. по: Жемчужины мысли, 1990, с. 88]. Действительно, этот далеко не полный перечень высказываний свидетельствует, что человек может быть счастлив, отдавая себя другим, хотя важно и то, как к нему относится общество, что делает оно для него. И в нашей постановке вопроса, видимо, критерий соотношения личностного самоуправления и социального управления заключается в словах австрийского писателя Эрнста фон Фейхтерслебена: «Человек может претендовать лишь на столько радости и счастья, сколько он дает другим» [цит. по: Жемчужины мысли, 1990, с. 89].

Следовательно, если личностное самоуправление достаточно социально, то это равносильно счастью человека. В случае же отсутствия счастья прежде всего необходимо обратить внимание на то, насколько личностное самоуправление социально устремлено.

Кроме того, из этих высказываний можно сделать вывод, что наполненность или сориентированность этих двух видов управления друг на друга является условием устранения противоречия между ними (не только данного, но и всех других, анализируемых выше). Важно также в этой связи отметить, что социальное управление и личностное самоуправление при отсутствии противоречий между ними становятся одновременно субъектом и объектом управления. А это является важнейшим свойством общественного самоуправления.

Таким образом, правильно сориентированное личностное самоуправление должно быть по характеру социальным, направленным на благо всех людей, всего человечества.

Большое значение для гармонизации взаимодействия социального управления и личностного самоуправления имеет характер их взаимосвязи, учет специфики каждого из них. Психологи утверждают, что «информация, согласующаяся с содержанием и структурой Я-к (Я-концепция. – С. 3.) допускается без труда, тогда

как несовместимые и вызывающие беспокойство сведения отфильтровываются. В соответствии с этим осуществляется регуляция коммуникативного поведения человека» [Коллектив, 1987, с. 136]. Следовательно, если в процессе социального управления этот факт не учитывается, то отпадает вообще необходимость в нем. Это вытекает из общей философской установки, гласящей, что природа (в том числе и человеческая) не терпит грубого вмешательства в свои пределы. Содержателен в этом плане диалог между Дорианом Греем и лордом Генри по поводу характера влияния, изображаемый в философском романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

«Хорошего влияния, – говорит лорд Генри, – не существует, мистер Грей. Всякое влияние уже само по себе безнравственно, – безнравственно с научной точки зрения.

– Почему же?

– Потому что влиять на другого человека – это значит передать ему свою душу. Он начнет думать не своими мыслями, пылать не своими страстями. И добродетели у него будут не свои, и грехи, – если предположить, что таковые вообще существуют, – будут заимствованные. Он станет отголоском чужой мелодии, актером, выступающим в роли, которая не для него написана. Цель жизни – самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность – вот для чего мы живем. А в наш век люди стали бояться самих себя. Они забыли, что высший долг – это долг перед самим собой. Разумеется, они милосердны. Они накормят голодного, оденут нищего. Но их собственные души наги и умирают с голоду. Мы утратили мужество. А может быть, его у нас никогда и не было» [Уайльд, 1993, с. 21].

Хотя этот фрагмент вырван из общего контекста диалога, да и не во всем можно согласиться с лордом Генри, тем не менее его мысли о влиянии как навязывании довольно актуальны. Поэтому прежде всего, исходя из специфики личностного самоуправления, социальное управление должно реализовываться как забота о личности. Об этом вполне правомерно и обоснованно заявляют Лидия Сохань и Игорь Сохань: «как показывают данные социологических исследований, то, что дает человек обществу и что он получает от общества – величины, взаимозависимые друг от друга. Безразличие общества, его институционализированных структур к человеку порождает ответную реакцию – отчужденность человека от общества, от власти» [Сохань & Сохань, 2001, с. 24].

С другой стороны, социальное управление аккумулирует в себе опыт многих людей, поколений: как положительный, так и отрицательный (допустим, бездумное отношение к окружающей среде). Это есть опыт, с которым человек встречается повсеместно и повседневно. Поэтому личностное самоуправление должно в полной мере воспринимать положительное и противостоять отрицательному. Вместе с тем это улица не с односторонним движением. Личность должна отдавать себя обществу и в этом смысле самовыражения, а для этого необходимо иметь то, что можно отдавать. Следовательно, одной из целей личностного самоуправления должно быть благодатное саморазвитие.

Таким образом, при осуществлении социального управления и личностного самоуправления должна учитываться и использоваться их специфика, что позволит устанавливать между ними более полнокривую и стабильную связь.

В поисках путей гармонизации взаимодействия социального управления и личностного самоуправления полезно проанализировать его в хронологическом аспекте. Управление по своей природе имеет циклический, пульсирующий характер. Поэтому важно, чтобы ритмы колебаний или пульсаций этих двух видов управления если и не совпадали, то хотя бы были «созвучными». Преимущественно такое состояние обнаруживается во времена нависшей над людьми смертельной опасности, когда все как один подчинены цели спасения. К сожалению, в обыденной жизни это редко наблюдается, хотя важно, чтобы и общество, и отдельно взятые личности свои управляющие сигналы синхронизовали во времени. При этом мы их рассматриваем как «параллельно» протекающие процессы. Однако эти колебания, пульсации могут иметь место и при встречном взаимодействии. Так, для личностного самоуправления является важным такое состояние, когда человек может оставаться наедине с собой. По этому

поводу М. Горький отмечал: «... ничто не обогащает так душу человека, как одиночество» [Горький, 1946]. Следовательно, одиночество как благоприятная форма личностного самоуправления должна быть оптимально приемлемой по времени для каждого человека. Вслед за ней обычно следует приобщение к социальному управлению, и так повторяется неоднократно. Задержка сверх меры на одном из этих видов управления чревата издержками, о чем предупреждал Демокрит: «Хорошим гражданам не следует, пренебрегая своими собственными делами, заниматься чужими. Ибо это было бы плохо для их частных дел. С другой стороны, если кто-нибудь пренебрегает общественными делами, то он приобретает дурную репутацию, даже если он ничего не ворует и вообще не совершает никакой несправедливости. Ведь даже и тому, кто не относится с нерадением к общественным делам и не совершает несправедливости, грозит опасность приобрести дурную репутацию и даже потерпеть кое-какие неприятности. Делать ошибки – неизбежно, но нелегко заслужить прощение у людей» [Античные философы, 1955, с. 108–109]. Социальное управление, в свою очередь, время от времени должно «оглядываться» на себя, подвергаться рефлексии, ибо без самокритики оно не может успешно функционировать.

Следовательно, и здесь должны быть свои перерывы, свои ритмы для самоосмысления и дальнейшего совершенствования. В политике это больше всего связано с отчетно-перевыборными кампаниями.

Таким образом, напрашивается вывод, что встречное взаимодействие должно носить какой-то взаимоустраивающий друг друга ритмический характер. Проще всего отыскать аналоию этому взаимодействию в музыке, обратив внимание на такой полифонический прием, как двойной или сложный контрапункт, где голоса меняются местами, т. е. мелодия, звучащая выше, оказывается в нижнем голосе, а нижняя мелодия – в верхнем. Подобное «колебательное движение» мы находим в поэзии. Так, А. Блок, раскрывая план своей поэмы «Возмездие», писал, что «план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все уже и уже, и самый маленький круг, съезжившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, расpirать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию» [Блок, 1980, с. 271–272]. И чуть позже объясняет, почему у него сложился такой план: «Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек – и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытывший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится-таки за него» [Блок, 1980, с. 272]. Это те колебания между социальным управлением и личностным самоуправлением, которые зафиксированы и в истории философской мысли. Однако задача состоит в том, чтобы эти колебания носили гармоничный характер, а не осуществлялись как возмездие. В этом плане привлекательны мысли Карла Юнга о важности не только казуальных, но и синхронных связей, лежащих в основе бытия. В нашем случае это ситуации, когда циклы личностного самоуправления созвучны циклам социального управления.

Большое значение для гармонизации социального управления и личностного самоуправления имеет широкое распространение среди людей общезначимых, привлекательных, емких управляющих сигналов-смыслов, настраивающих их на гармоничное взаимодействие. К ним можно отнести, например, следующие: «Я могу принимать в качестве цели мою свободу лишь в том случае, если поставлю своей целью также и свободу других» [Сартр, 1989, с. 341], «самый счастливый человек тот, кто дает

счастье наибольшему числу людей» [Дидро, 1936, с. 133], «только во всеобщем счастье можно найти свое личное счастье» [Гоббс, 1965, с. 69]. К сожалению, эти и подобные концепты известны только узкому кругу лиц и, следовательно, не являются еще средством гармонического взаимодействия людей. В то же время, скажем, различного рода коммерческая реклама бесперемонно входит в каждый дом, любую семью и навязывает свои материальные ценности, культивируя потребительство и разъединяя людей. Потому только общая идейная устремленность людей может обеспечить гармонию личности и общества.

Таким образом, предварительные теоретические предпосылки указывают на то, что оптимальное взаимодействие социального управления и личностного самоуправления должно проявляться как атрибут гармоничности в общественном самоуправлении. Достижению этой гармонии могут также способствовать такие факторы, как улучшение взаимосвязи двух указанных типов управления, базирующееся на учете специфики каждого из них, координация ритмов их осуществления и общественное признание важности гармонии между ними, а также всеобщее использование проверенных временем, мудрых советов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Античные философы. Свидетельства. Фрагменты. Тексты. Киев: Издательство Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, 1955. 313 с.

Бакиров В. Социальное познание на пороге постиндустриального мира. *Общественные науки и современность*. М.: Наука, 1993. № 1. С. 68–78.

Блок А. Собрание сочинений: в 6-ти т.; т. 2. Л.: Художественная литература, 1980. 472 с.

Гоббс Т. Избранные произведения: в 2-х т.; т. 2. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с лат. и англ. Н. А. Фёдорова и А. Гутермана; ред. пер. А. Ческис, Е. М. Вейцман. М.: Мысль, 1965. 748 с.

Горький М. Первый раз я увидел эту женщину... *Литературная газета*. 1946, 25 мая. № 92. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=137716>.

Дидро Д. Собрание сочинений: в 10-ти т.; т. 5. Театр и драматургия / вступ. ст. и примеч. Д. И. Гачева; пер. с фр. Р. И. Линцер; ред. текста Э. Л. Гуревича и Г. И. Ярхо. М.: Гослитиздат, 1936.

Жемчужины мысли. Киев: Выща школа, 1990. 358 с.

Коллектив. Личность. Общение. Словарь социально-психологических понятий. Л.: Лениздат, 1987. 144 с.

Мелешко Е. Д., Назаров В. Н. Счастье (систематизация мудрых изречений). *Этическая мысль: Научно-публицистические чтения*. М.: Политиздат, 1988. С. 258–281.

Разум сердца. Мир нравственности в афоризмах / сост. В. Н. Назаров, Г. П. Сидоров. М.: Издательство политической литературы, 1990. 605 с.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. под ред. М. Грецкого. *Сумерки богов*. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 319–345.

Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. и примечания С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977. URL: <http://psylib.org.ua/books/senek03/index.htm>.

Сохань А. В. Сценарии глобального риска и проблемы их понимания. *Матеріали VIII Харківських міжнародних Сквородинівських читань*. Харків: 2001. С. 147–154

Сохань А., Сохань И. Время нового мира и человек. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2001. 130 с.

Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь / пер. с англ. М. Абкина, Р. Райт-Ковалёва, М. Ковалёва. Киев: Посредник, 1993. 266 с.